

кость» и т. д. И Митя, и другие герои «Братьев Карамазовых» аттестовали Грушеньку в весьма сходных выражениях. Так, Федор Павлович в разговоре с Алешей шесть раз называет ее Грушкой и два раза Грушенькой, говорит: «Вот ведь мы какими характерами одарены — только чтобы насупротив делать. Я ее насквозь знаю!» (14, 158). Любовные отношения в рассказе Успенского не только Грушка, но и прочие персонажи с примитивным цинизмом «увязывают» с тысячными суммами, материальным расчетом (см. сцену сватовства). Этот же мотив — один из главных в конфликте Федора Павловича и Дмитрия Карамазовых из-за Грушеньки.

Учитывая вышеизложенное, можно считать, что небольшой, «эскизный» рассказ Н. Успенского был одним из источников, использованных Достоевским при создании образа Грушеньки Светловой. Сходство между этими двумя образами — еще одно косвенное доказательство принадлежности рецензии на сборник рассказов Николая Успенского Ф. М. Достоевскому.

Т И О Р Н А Т С К А Я

К ИСТОРИИ УТРАТЫ РУКОПИСЕЙ РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

На судьбе архива Достоевского в полной мере отразились многочисленные трагические коллизии судьбы самого писателя. Арест по делу петрашевцев, распространенный и на его архив, привел к полному исчезновению автографов всего написанного до 1849 г., в том числе «Бедных людей», «Двойника»,¹ «Неточки Незвановой».² Не менее ощутимый урон архив писателя понес из-за его отъезда за границу в 1867 г. Собираясь уезжать на неопределенное время, Достоевский оставил рукописи на хранение родственникам М. М. Достоевского. По возвращении его оказалось, что эти рукописи пропали и лишь спустя какое-то время часть их нашлась.³ Остальная же, очевидно, утрачена безвозвратно, хотя кое-какие «всплывавшие» время от времени автографы позволяют надеяться на появление хотя бы еще какой-то части их.

А. Г. Достоевская рассказала об уничтожении еще одной части

¹ Сохранились только черновые наброски к его предполагаемой переработке в 1861—1862 гг 1, 432, 436

² Случайно сохранился черновой отрывок ранней редакции этого произведения и отрывок корректуры с серединой 2-й главы

³ И в том числе незначительные черновые заметки к «Униженным и оскорбленным» (3, 4, 48, 17, 243—246), куски наборной рукописи «Игрока» (5, 346), черновики, планы, конспекты к 4 листам из 30 романа «Преступление и наказание» (7, 5—268) Вероятно, эта та часть архива, которая нашлась случайно в корзине с рукописями, сохранившейся стараниями племянника писателя Федора, см Ф М Достоевский Статьи и материалы / Под ред А С Долинина Пб, 1922 С 483—484

архива перед возвращением семьи Достоевского летом 1871 г. из-за границы.⁴

В результате всех этих коллизий не сохранились основные автографы «Идиота» (известны только подготовительные материалы к первоначальной неосуществленной редакции романа и подготовительные материалы ко 2-й, 3-й и 4-й частям его окончательной редакции), «Вечного мужа» (известны лишь подготовительные материалы, планы и наброски), «Бесов» (сохранились подготовительные материалы, незначительная часть черновых набросков к частям второй, третьей и черновые автографы начала главы первой и конца второй — третьей частей) и «Подростка» (известны подготовительные материалы к нему и частично черновые автографы второй и третьей части).⁵

Значительная часть ныне утраченных автографов этого периода существовала до 1918 г. и даже считалась принадлежавшей по завещанию вдовы писателя петербургскому и московскому Музеям Ф. М. Достоевского.

Среди последних в это время фигурировала и полная рукопись романа «Братья Карамазовы», из которой на сегодняшний день известны лишь отдельные черновые наброски и наборная рукопись начала и конца главы IX Девятой книги.

Сохранившиеся рукописные материалы к «Братьям Карамазовым» представляют собою конгломерат разрозненных черновых набросков к отдельным главам разных книг романа. Все эти материалы сохранились потому, что в свое время они не были вплетены А. Г. Достоевской в особые тетради, составившие, как известно из косвенных источников, «несколько томов, переплетенных в черную кожу».⁶

Содержание «томов» раскрывается благодаря завещательному распоряжению А. Г. Достоевской, сохранившемуся в одной из ее записных тетрадей. Отсюда следует, что в первом из «томов» были «закл(ючены) материалы к р(оману) „Бр(атъя) Карамазовы“», здесь же упоминается о «двух переплетенных в коленкор» томах, объемом в «439 и 465 страниц».⁷ Итак, из этих двух фраз видно, что существовало по крайней мере три тома таких переплетенных рукописей. Е. И. Кийко, исследовавшая сохранившиеся рукописи «Братьев Карамазовых», высказала предположение, что в первом из упоминающихся томов содержались «заметки, сделанные автором в период обдумывания общего плана „Братьев Карамазовых“», и что в двух других томах заключалась наборная

---

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания М., 1971 С. 198

⁵ Мы не касаемся здесь раздела писем Достоевского. Отметим только, что участникам академического «Полного собрания сочинений и писем» удалось установить, что кроме известных 924 писем существовало еще около 400 — не сохранившихся или не найденных до настоящего времени

⁶ Новое время 1901 4 янв № 8928

⁷ Тетрадь называется «En cas de la mort ou d'une maladie grave» — ЦГАЛИ, ф 212, I, 224

рукопись романа: «Об этом свидетельствует объем сданных на хранение томов: в них около 900 страниц, т. е. примерно столько, сколько должна была занимать наборная рукопись. . .» (15, 605). Высказанные предположения сами по себе возражений не вызывают, только, наверное, нужно было сказать, что кроме упоминаемых в «Завещании» томов были и другие, почему-то не упомянутые завещательницей и представлявшие собою не наборную,⁸ а наиболее ценную черновую рукопись романа. О ней мы узнаем из газетной заметки «Реликвии Достоевского», информировавшей о выставке 1901 г. в Историческом музее. Корреспондент (подпись: Ив. Забрежнев) писал: «В двух витринах раскрыты черновики романа „Братья Карамазовы“ (< . . . >). Последняя рукопись составляет несколько томов, переплетенных в черную кожу. Один том разогнут на конце VII главы 10-й книги „Мальчики“ (четвертая часть романа). Черновая „Карамазовых“ писана более мелким почерком, чем „Дневник“. Обыкновенная нелинованная писчая бумага большого формата. Треть страницы оставлена для поправок. Выноски и поправки делались при помощи корректурных знаков. Вероятно, в первоначальном своем виде рукопись состояла из отдельных, ничем не скрепленных листов».⁹ Итак, перед нами прямое свидетельство о существовании еще в 1901 г. «нескольких переплетенных томов», в числе которых была и упоминаемая черновая рукопись романа. По счастливой случайности сохранилось факсимиле, сделанное именно с раскрытой на выставке страницы,¹⁰ с зачеркиваниями и вставками с правой стороны листа (см. варианты: 15, 196—197). По этому факсимиле можно представить себе характер работы писателя на стадии черновой, но уже связной редакции романа.

В результате предпринятых нами поисков следов этих «томов» в различных архивах страны и изучения периодики того времени представилось возможным уточнить упоминавшееся число «переплетенных томов»: оказывается, их было семь. Так, 11 мая 1920 г. в № 104 тифлисской газеты «Слово» появилось следующее официальное сообщение:¹¹

« в начале марта сего года в Туапсе у пытавшегося проехать в Сочи без пропуска поручика Вронского были отобраны представителем революционно-следственной комиссии Комитета освобождения Черноморья подлинные рукописи

⁸ Е. И. Кийко высказала свое соображение по поводу наборной рукописи на основании следующих строк из письма А. Г. Достоевской: « рукопись „Карамазовых“ удалось мне сохранить в полном порядке, без пропусков. Но должна сказать, что „Бр(атья) Кар(амазовы)“ почти не имеют вариантов с напечатанным текстом» (15, 605).

⁹ Новое время 1901 4 янв № 8928 Курсив наш — Т. О.

¹⁰ На факсимильной странице сверху напечатано «Последняя страница из романа „Братья Карамазовы“», снизу «Дозволено цензурою С.-Петербург, 11 декабря 1885 г.» Очевидно, факсимиле делалось А. Г. Достоевской для иллюстрирования одного из выпускаемых ею изданий.

¹¹ Воспроизводим его с незначительными сокращениями ввиду не только уникальности сообщения, но и важности содержащихся в нем конкретных указаний.

Ф М Достоевского (в количестве около двух пудов, его личные и общественные письма, авторские заметки и т д) Рукописи эти были захвачены, по удостоверению заведующего отделом революционно-следственной комиссии Черноморья Г Д Алшибая, сотрудником той же комиссии Иваном Александровичем Канделаки и увезены им в Гагры с целями, как явствует из последующего, не имеющими общего ни с элементарной порядочностью, ни с уважением к воле родственников видного писателя о передаче всех рукописей в петербургский музей имени Ф М Достоевского

Именно мистифицируя официальных уполномоченных Комитета ссылками на третьих лиц, которым якобы поручено хранение рукописей, этот „дикарь XX века“ — „с мужеством“ Герострата и жадностью Иуды в частных переговорах „давал понять“, что он рукописей не отдаст и даже не остановится, если его к „этому вынудят“, перед их сожжением

Представительство Комитета освобождения Черноморья располагает абсолютными доказательствами подлинности всех (в семи больших переплетенных томах, не считая обширной переписки, бесконечных заметок, проектов, набросков и собственноручных записей Ф М Достоевского) рукописей писателя » Далее в газете сообщалось, что «в фактическом распоряжении Представительства в Тифлисе находятся подлинные визитные карточки Достоевского, письма его (из Эмса от 2(14)VIII 79 г, письмо из Петербурга от 6 VII 77 г, письмо из Женевы от 18 XII 67 г, отрывок за подписью Достоевского «Друг Кузьмы Пруткова») и т д»¹²

«Страшно подумать, — говорилось далее в заметке, — что все это бесценное богатство, которое заключается в двух пудах рукописей ( ), где могут оказаться целые неизданные произведения одного из величайших писателей мира, не говоря уже о неизвестной до сих пор личной переписке, исчезнет навсегда для России и человечества только в результате изуверства жадного шантажиста

Представительство Комитета освобождения Черноморья настоящим доводит до сведения властей Грузии, на территории которой в Гаграх находится Канделаки и все похищенные рукописи, что ожидает исключительных мер по задержанию преступников, розыску рукописей и передачи их Представительству

Представительство предупреждает всех, у кого оказались бы эти рукописи, что им будет возбуждено уголовное преследование против всякого держателя похищенного, если тот в кратчайший срок не сделает властям Грузии или Черноморья соответствующего заявления

Наконец, Представительство надеется на содействие в возбужденном им во просе всех тех, кто понимает значение посмертных писаний Достоевского и бесконечную тягостность их утраты

Тифлис 8 мая 1920 г »¹³

Как же могли попасть рукописи Достоевского к их первому незаконному владельцу — «поручику Вронскому»?

В начале 1917 г. А. Г. Достоевская, испугавшись развития революционных событий в Петрограде и попытавшись сначала продолжить работу над неизданной частью архива в привычном Сестрорецке,¹⁴ но не нашедшая необходимого для работы покоя и там, решила уехать в Сочи, близ которого у нее было имение.¹⁵ Здесь она и

¹² Эти документы частично сохранились и находятся сейчас в ЦГАЛИ (кроме письма из Эмса и визитных карточек), они опубликованы 21, 248—251, 28₂, 237—238, 29₂, 160—161

¹³ Перевод с грузинского выполнен научн сотр Центра по исследованию национальных отношений АН Грузии Е Н Киасашвили

¹⁴ См отрывок «Эпизод из революции 1917 года» ЦГАЛИ, арх А Г Достоевской, ф 212, I 146

¹⁵ Ею был куплен «участок земли в 13 десятин 70 соток, находящийся в Черноморской губернии, Сочинском лесничестве, в Адлерской даче, за № 50, принадлежавшей госпоже Тиздаль » (ЦГАЛИ, ф 212, I 224, л 8)

надеялась продолжить свою работу. Для этого часть рукописей была ею отправлена в Адлер почтой,¹⁶ а наиболее ценная часть увезена в чемоданах.¹⁷ Поселившись в имении, Анна Григорьевна возобновила свою работу над рукописями, успев снять копии с писем Достоевского к ней.¹⁸ Но обстоятельства вновь вынудили ее спешно покинуть свой дом¹⁹ и бежать через Туапсе в Крым, где в это время жила семья ее сына Федора Федоровича и где у Анны Григорьевны был еще один дом.²⁰

Одна из версий вокруг факта бегства Анны Григорьевны гласила, что она оставила часть архива у знакомых в Сочи. Более убедительным представляется иное предположение: Достоевская направлялась в Крым через Туапсе, где пробыла, согласно только что упоминавшемуся свидетельству внука, какое-то время, и там у нее рукописи и пропали. Ведь именно из Туапсе прорывался в Сочи «без пропуска» тоже уже упоминавшийся «поручик Вронский», именовавшийся в прессе то «офицером меньшевистской гвардии»,²¹ то «грузинским гвардейским офицером».²² То ли Анна Григорьевна доверилась Вронскому, то ли он похитил у нее рукописи²³ — вряд ли теперь можно установить. Известно только, что вскоре после этого трагического происшествия на Кавказе предпринимались самые спешные меры к розыску рукописей, которые вдруг обнаруживались и даже

---

¹⁶ Перечень вложенных в посылки документов сохранился в одной из ее многочисленных рабочих тетрадей за 1917 г (ГБЛ) так, в посылке от 7 апреля находилась какая-то «тетрадка Ф М», а в посылке от 18 апреля помимо разных бумаг были «3 книжки писем»

¹⁷ Причем в музейных кругах знали, что увезенные рукописи будут впоследствии переданы им на хранение — после того, как А Г Достоевская закончит работу над ними. Об этом подробно сообщалось в юбилейном сборнике, посвященном писателю. Здесь, в частности, говорилось «Из художественных произведений Достоевского в архиве его покойной вдовы хранились 1-ая и 2-ая часть „Бесов“ и полная рукопись „Братьев Карамазовых“» (Творчество Достоевского Сборник статей / Под ред Л П Гроссмана Одесса, 1921 С VI)

¹⁸ Хранятся в ЦГАЛИ

¹⁹ Ковригина З С Последние месяцы жизни А Г Достоевской // Ф М Достоевский Статьи и материалы Сб второй / Под ред А С Долинина Л, М, 1924 С 583—590

²⁰ Внук Достоевского Андрей Федорович писал об этом времени «К осени 1917 года семья Достоевских оказалась разбросанной по югу России < > Отец Федор Федорович Достоевский, издавна работая в государственном (Московском) скаковом обществе, недавно прибыл в Пятигорск, сопровождая эшелон наиболее ценных скаковых лошадей, вывозимых из Москвы от бескормицы < > Бабушка Аня < > в августе 1917 года находилась в городе Туапсе < > позже < > морем переехала в город Ялту, где на Чайной улице у нее был небольшой одноэтажный дом < >»

(Гос лит музей, ОФ $\frac{4813}{1-3}$)

²¹ Заря Востока 1922 28 июля № 34

²² Последние новости 1922 9 сент № 734

²³ После смерти Анны Григорьевны «чемодан» с оставшимися у нее рукописями «попал в руки Чрезвычайной комиссии в Севастополе и по хлопотам Исторического музея доставлен в Москву в его распоряжение» См Чешихин-Ветринский В Архив Достоевского // Утренники 1922 Кн 1 С 129 Но это были другие рукописи. Они хранились в Ялте с 1915 г — см записную тетрадь Анны Григорьевны за этот год (ГБЛ)

какое-то время хранились в государственном учреждении, откуда вновь исчезали.²⁴ Причиной этого в значительной степени была ставшая известной сумма (12 млн р. золотом), которую лица, похитившие рукописи, за нее запрашивали, а также обнаруженная правительством России готовность заплатить эту сумму. Дело поступило в Чрезвычайную комиссию, направившую в соответствующую инстанцию следующий документ:

«Представителю Комитета освобождения Черноморья
тов. П. Джанашия
Заведующего Особым отделом и коменданта
Ревследкома Г. Д. Алшибая

Докладная записка

Комитетом освобождения Черноморской губернии 28 марта с(его) г(ода) был командирован из Сочи в Грузию для розыска и ареста бывшего сотрудника Ревследкома И. Канделаки, похитившего рукописи Ф. М. Достоевского, каковые были сотрудниками Ревследкома отобраны при обыске у кого-то и хранились в Ревследкоме. Для этой цели (. . .) я был снабжен письмом на имя товарища Чайкина, чтобы последний оказал бы мне помощь в деньгах (. . .). Не зная места пребывания разыскиваемого Канделаки, мне приходилось разъезжать в разные местности Грузии и узнавать его местонахождение. И в конце концов мне удалось его разыскать, который дал словесные показания, что рукописи эти у него находились и что он оставил их в Гаграх для передачи М. Ломджария, что рукописи эти были отобраны им у поручика Вронского. Имея в виду, что показание Вронского могло иметь для дела весьма большое значение, я разыскал его и снял с него показание. Несколько писем (Достоевского. — Т. О.) при первой же встрече передал мне сам Канделаки (. . .) Произведенное мною дознание, рукописи, отобранные у Канделаки, и самого Канделаки я вам представляю на дальнейшее расследование.

19 IV 20 г. г. Гагры

Р. S Письмо на имя Чайкина тоже представляю Г Алшибая»²⁵

Итак, к апрелю 1920 г. рукописи были похищены из Ревследкома ее сотрудником И. А. Канделаки и, согласно его заявлению, значительная их часть была оставлена им в Гаграх для передачи некоему М. Ломджария. Часть рукописей (по-видимому, незначительную), Канделаки оставил при себе, как выяснится, для того, чтобы вызывать интерес потенциальных покупателей предъявлением подлинников.

Но ни Вронский, ни Канделаки, находившиеся попеременно в Ревследкоме, работе следствия не помогли, рукописи исчезли, а Ревследком передал дело как безнадежное властям России. Об этом гласит следующий документ:

«2 XI 1920.

Полномочному Представительству
Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики

²⁴ Нужно при этом иметь в виду, что на Сочинском фронте происходили в это время военные действия, распространявшиеся по всей территории, где проходили события, связанные с архивом Достоевского.

²⁵ Гос архив Грузии, ф. 1873, № 1, с 17. Орфография и синтаксис подлинника сохранены

... Среди (...) дел, которые, как известно Представительству, передаются ликвидационным Бюро по мере того, как оно перестает иметь возможность предпринять по ним дальнейшие шаги, имеется и одно совершенно не терпящее отлагательства дело (...).

Это дело о похищении двух пудов рукописей Достоевского.

Препровождая подлинное дело, я не сомневаюсь, что Представительством будут приняты, как в Грузии, так и на Черноморье, самые энергичные меры для разыскания этого литературного сокровища.

Представитель К(омитета) О(свобождения) Ч(ерноморья)
Подпись». ²⁶

Поиски продолжались, и в 1922 г. часть рукописей нашлась.

31 июля этого года в газете «Бахтриони» появилась заметка «Находка рукописей Достоевского», гласившая:

«Два года тому назад упорно говорили, что неопубликованные рукописи Достоевского хранятся в Сочи. Эти рукописи были у вдовы писателя, которая готовила их к печати. Позднее рукописи появлялись то в Батуми, то в Константинополе, то в Озургети.²⁷ Все усилия обнаружить рукописи оказались тщетными. В последнее время выяснилось, что рукописи приобрел В. Мгалоблишвили, который за небольшую цену уступил их Заккрайкому. Заккрайком назначил экспертную комиссию по изучению рукописей, в которую входили Григол Робакидзе, Игнатов и Ананов. Эта комиссия после длительной проверки подтвердила достоверность и большую литературную ценность рукописей (как Достоевского, так и его супруги). Находка рукописей несомненно имеет огромное значение для истории русской литературы, поскольку в них много полных и новых материалов, проливающих свет на творчество и жизнь Достоевского».

Опубликованный комиссией в газете «Заря Востока» «Акт по рассмотрению документов из архива А. Г. Достоевской» показал, что у В. Мгалоблишвили были приобретены те рукописи, которые и ранее предлагались Заккрайкому «за небольшую сумму». Ни двух частей «Бесов», ни томов с «Братьями Карамазовыми» среди них не было.²⁸ А ведь именно за них «неизвестные лица» запрашивали 12 млн золотом.

Известие о работе комиссии и о ее составе появилось в «Заре Востока» 28 июля 1922 г. А в сентябре этого года информация была перепечатана рядом газет за границей — в том числе парижских и берлинских. Появилась она как «Письмо из Грузии» и в Парижской газете «Последние новости» (9 сент. № 734). Причем здесь возникли небольшие подробности, которых не было в газете «Заря Востока». И, в частности, говорилось: «На Сочинском фронте военные действия еще не были прекращены, как в Тифлисе стало об этом (т. е. о пропа-

²⁶ Там же, № 2, с. 23—24.

²⁷ Озургети — старое название города Махарадзе, центра Гурии

²⁸ Зато была «Записная книга к роману „Подросток“ — переплетенная в картон тетрадь в 250 страниц», которая не попала в нынешний ЦГАЛИ и следы которой утрачены. Вероятно, поиски этих следов нужно начать с документов, которые должен был оформлять М. Н. Покровский, доставивший в Москву купленные в Грузии рукописи. Для этого, очевидно, следует обратиться к подсобным фондам бывшего Центра архива, которые до недавнего времени были закрыты для исследователей.

же рукописей Достоевского. — Т. О.) известно. Местная печать подняла шум. Союз грузинских писателей отправил к правительству делегацию с настойчивой просьбой — срочно приняться за розыск обладателей рукописей и послать в Сочи специальную комиссию (. . .) Вопрос об этих рукописях снова выплыл в этом году во время юбилейных дней Достоевского в Тифлисе.²⁹ Народному комиссару просвещения Грузии г-ну Канделаки стали подаваться заявления разных лиц о готовности их обнаружить рукописи Достоевского, причем за это требовалась весьма солидная сумма и непременно в фунтах. Переговоры с Луначарским и Покровским в Москве, от которых г-н Канделаки получил согласие платить, вмешательство представительства РСФСР в Грузии снова оказались тщетными: обладателей рукописей не удалось найти (. . .) и дело так и заглохло. . .».

Примерно через год после этого из Москвы в Грузию последовал такой телеграфический запрос:

«ТФЛС Москвы НКВД

Тифлис,
Наркомпрос
Орахелашвили
834 44 24/3 23 10

Сообщите судьбу рукописей Достоевского количестве двух пудов обнаруженных комитетом Черноморья 1920 году и похищенных дальнейшим Гаграх Иваном Александровичем Канделаки тчк подробности похищения были опубликованы тифлисской газете слово 11 мая 1923 номере 104 тчк Карахан»

Эта телеграмма — последнее в те годы упоминание о пропавших в Грузии рукописях.

Поиски каких-то следов тех событий в нынешнем Тбилиси не дали ничего, кроме устных свидетельств о том, что автографы Достоевского были в частных грузинских архивах, погибших в годы сталинско-бериевских репрессий.³⁰

Высказывалось предположение, что рукопись романа «Братья Карамазовы» могла в «послереволюционные годы» попасть за рубеж. Это предположение принадлежало И. С. Зильберштейну и связывалось им с именем Ек. П. Достоевской, матери внука писателя Ф. Ф. Достоевского («Федика»), которому А. Г. завещала именно эту рукопись³¹ и которая какое-то время (до 1908 г.) хранилась в

---

²⁹ Речь идет о праздновании столетнего юбилея со дня рождения писателя, проходившем в феврале 1922 г. Изучение этого события по нашей просьбе взяла на себя грузинская исследовательница М. В. Нинидзе, опубликовавшая недавно одно из выступлений на юбилее — речь Григола Робакидзе «Достоевский», впервые увидевшую свет в груз. газете «Барикады» (№ 6 за 1922 г.) (см. Лит. Грузия 1990 № 1 С. 155—161). В этой же газете напечатана и речь Т. Табидзе.

³⁰ В С. Шадури вспоминал о кострах из рукописей, отобранных у репрессированных и горевших во дворах под окнами полуграмотных сотрудников органов госбезопасности. Известный грузинский библиограф С. Лекишвили свидетельствует, что в подобных кострах видели и рукописи Достоевского.

³¹ Известно, что почти все рукописи мужа Анна Григорьевна «расписала» (буквально, на их обложках) своим внукам.

петербургском банке. Но Е. П. Достоевская никогда не держала в руках самой рукописи, а если и держала квитанцию от нее, то очень недолго. А. Г. Достоевская взяла рукопись из банка и с тех пор до самого своего бегства из Сочи постоянно держала ее при себе. По этой же самой причине оказывается несостоятельным и другое предположение И. С. Зильберштейна — о том, что рукопись могла быть увезена за границу «одним из высших царских чиновников Государственного банка». ³²

И тем не менее «Братья Карамазовы» (как и рукописи «Бесов» и «Подростка») действительно могли попасть за рубеж. Прямое подтверждение этому — упоминавшееся беглое сообщение о появлении каких-то рукописей писателя в Константинополе; можно предположить также, что отказ правительства РСФСР заплатить 12 млн золотом и угроза возбудить «уголовное преследование» против тех, кто безвозмездно не отдаст рукописей, заставило их обладателей искать покупателей за границей.

И потому-то, на наш взгляд, напрасно И. С. Зильберштейн отводил приведенные Б. И. Бурсовым сведения о рукописи, полученные им от младшего внука писателя А. Ф. Достоевского, утверждавшего, что в 20-х гг. рукопись «купил за баснословную цену» Стефан Цвейг. Б. И. Бурсов счел сообщение А. Ф. Достоевского «легендой», ³³ но не настаивал на ее недостоверности. И. С. Зильберштейн категорически отвел эту «легенду», назвав содержащиеся в ней сведения «апокрифическими».

Нам удалось выявить истоки этой «легенды», приближающие ее к факту. Остается неизвестным, откуда мог узнать о ней А. Ф. Достоевский. Не исключена возможность, что лица, окружавшие в Ялте умиравшую А. Г. Достоевскую, передали Ф. Ф. Достоевскому какие-то известия, связанные с обстоятельствами пропажи рукописей, а он в свою очередь что-то успел узнать о дальнейшей их судьбе.

Нами уже упоминалось имя одного из членов экспертной комиссии по рукописям Достоевского — грузинского писателя Григола Робакидзе (1880—1962). В 1930 г. он принял (вместе с театром имени Руставели) приглашение приехать в Германию на гастроли (в театре с громким успехом шла его пьеса «Ламара»). Выехал он в 1931 г., вероятно приняв решение не возвращаться, тем более что весь театр отправлялся на гастроли вопреки воле Берии. ³⁴ В Германии он когда-то учился; здесь же жил его добрый знакомый и автор предисловия к немецкому изданию его книги «Змеиная рубаха» (или «Змеиная кожа») австрийский писатель Стефан Цвейг

---

³² Зильберштейн И. С. Новонайденные и забытые письма Достоевского // Лит наследство М, 1973 Т 86 С 140—141

³³ Бурсов Б. Достоевский неизвестный // Лит газ 1970 16 сент № 38

³⁴ Оставшись в Германии, он избежал участи своих коллег и друзей С. Ахметели, Т. Табидзе, П. Яшвили, М. Джавахишвили, Е. Микеладзе. Мы привели их имена не случайно — не их ли архивы горели в тбилисских дворах?

(1881—1942).³⁵ И здесь невольно вспоминается приведенное уже свидетельство А. Ф. Достоевского о Цвейге, якобы купившем рукопись «Братьев Карамазовых» за «баснословную цену». Это не означает, что Цвейг купил рукопись непосредственно у Робакидзе. Но что об имевшихся в Грузии рукописях Достоевского он знал не только из газет, — в этом нет сомнений. Ведь он и раньше был владельцем автографов Достоевского (об этом далее)

Еще до приезда Робакидзе в Германию осенью 1928 г. Цвейг присутствовал на московских торжествах, проходивших в дни 100-летнего юбилея Л. Н. Толстого. В интервью, которое он дал на пути в Москву, говорилось: «Сильнейшее любопытство влечет меня в Россию. Вскоре я приеду сюда нарочно и тогда буду по-настоящему изучать родину, родившую Толстого и Достоевского».³⁶

Уже в этот приезд Цвейг не ограничился пребыванием на юбилейных торжествах в Москве, но посетил Ленинград и завязал ряд личных связей. Среди его новых знакомых был М. Горький и известный коллекционер, библиограф и искусствовед П. Д. Эттингер.³⁷ Был в это время в Ленинграде и Робакидзе. В этом же 1928 г в № 9—10 грузинского журнала «Мнатоби» Робакидзе опубликовал статью «Дни Толстого» и в ней рассказал о своих встречах с Цвейгом

Пребывание в Москве и Ленинграде произвело на Цвейга благоприятнейшее впечатление и поселило в нем намерение вскоре вновь побывать в Союзе. Но намерение это выполнить не удалось — по ряду причин, в основном политических. Было же это намерение достаточно глубоким и серьезным. Так, 1 декабря 1928 г. Цвейг писал петербургскому издателю И. В. Вольфсону: «. . я веду сейчас переговоры с одним английским издательством относительно серии статей, которые я предполагаю написать о России, если еще раз приеду в Вашу страну. Мне хочется увидеть Волгу, съездить на Кавказ и в Грузию . ».³⁸ Еще раз он упомянул об этом в письме от 1 марта 1929 г к тому же корреспонденту, подчеркивая, что ему особенно бы «хотелось посетить Кавказ и добраться до Туркестана».³⁹ Такое стремление на Кавказ вполне можно связать с разговорами с Робакидзе по поводу рукописей Достоевского. К 1931 г. поездка Цвейга стала реальной, и в июле этого года в письме к А. В. Луначарскому, написавшему предисловие к книге писателя «Борьба с безумием»

---

³⁵ Мы не случайно сопроводили имена Робакидзе и Цвейга датами — не были ли они соучениками? Вышедшее в Германии «Полное собрание сочинений и писем» Цвейга не содержит упоминания имени Робакидзе. Но это не означает, что он не фигурирует в переписке Цвейга. Дело в том, что имя Робакидзе в Германии находится под запретом поныне (в Грузии этот запрет существовал до 1987 г.), так как писатель был связан с Третьим рейхом, являясь автором апологетических книг о Гитлере и Муссолини. Требуются разыскания в архиве Цвейга, могущие дать необходимые сведения о связи его с Робакидзе

³⁶ Кальма Н. Литературные встречи // Красная нива 1928 № 4 С 8. Цит. по публикации К. М. Азадовского. Стефан Цвейг. Письма в издательство «Время» // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома 1975 Л., 1977 С 221

³⁷ Он переписывался «со многими немецкими коллекционерами» (Там же С 225)

³⁸ Там же С 248

³⁹ Там же С 249

(вышла в издательстве «Время» в 1932 г.), он писал: «Вам, может быть, интересно будет знать, что я собираюсь приехать на два месяца в Россию вместе с моим другом, известным бельгийским художником Франсом Мазереелем; мы хотим сделать вместе книгу с рисунками, которая выйдет на всех языках и будет — вы знаете нашу точку зрения — резко отличаться от стряпни низкопробных журналов, полной лжи и ненависти, — книгу документальную. Мазереель — человек, созданный для таких рисунков, я тоже постараюсь сделать все, что могу. . .».⁴⁰ Поездку эту («через всю Россию») должен был оплачивать американский издатель Цвейга. Она, как уже отмечалось, не состоялась.

Думается, что кроме самого путешествия и книги, которая появилась бы в результате этого путешествия, у Цвейга были и другие цели. И главная из них — пополнение уникальной коллекции автографов. Ведь собиралась она в течение тридцати с лишним лет, и с большим разбором. Целью Цвейга было овладеть «в собственноручных подлинниках именно тем, что сделало бессмертных бессмертными».⁴¹

Известно также, что еще в 1914 г. Цвейг работал над книгой об одном из своих любимейших авторов, Достоевском, которого он считал своим учителем. И известно, что рукописи Достоевского в его коллекции имелись. Известно и какие. Это были «две главы» из «Униженных и оскорбленных».⁴² Цвейг писал, что приобретены они были «перед войной»,⁴³ в результате больших денежных затрат и усилий».

По его же словам, относящимся к одной из двух рукописей, она была «куплена через посредничество Мартина Бреслауэра 13 сентября 1912 г.» (17, 458). Один лист из рукописи Цвейг воспроизвел (факсимиле) в издании: *Dostojewski F M Sämtliche Romane und Novellen Erster Band, Arme Leute. Leipzig: Insel-Werlag, 1921* Einleitung von Stefan Zweig И эта же рукопись (вернее, ее микрофильм) через посредство профессора университета Клагенфурт (Австрия) Р Нойхойзера стала доступна редакции академического «Полного собрания сочинений» Достоевского.

Но Цвейг, по его собственным словам, к 1930 г. владел тремя автографами Достоевского (т. е. автографами трех глав из романа «Униженные и оскорбленные»)⁴⁴ Известно же только об одном из них⁴⁵

---

⁴⁰ Луначарская И А Три письма к Луначарскому // Прометей М, 1966 Т 1 С 291 (фотокопия подлинника на франц яз приведена здесь же)

⁴¹ Цит по Зильберштейн И С Новонайденные и забытые письма Достоевского С 139

⁴² Там же

⁴³ Имеется в виду война 1914 г

⁴⁴ Переписка А М Горького с зарубежными литераторами // Архив Горького М, 1960 Т 8 С 11, *Zweig S Meine Autographen-Sammlung «Philobiblon» Zeitschrift für Bucherliebhaber* 1930 Н 7 S 279—289

⁴⁵ Представляется сомнительным соображение А В Архиповой, публиковавшей в т 17 академического «Полного собрания сочинений» варианты этого автографа (« по-видимому (эта рукопись — Т О) единственная, которая находилась в составе

Где же остальные?

Тут следует обратиться к истории распада архива Цвейга. Как известно, к 1934 г. он вынужден был покинуть Зальцбург и поселился сначала в Лондоне, затем жил в Нью-Йорке, под конец — в Бразилии, где и покончил с собой (в 1942 г.). Предстоящая вынужденная эмиграция потрясла писателя, развеяла его надежды на то, что его коллекция, которую он собирался в будущем подарить «достойному» учреждению, обесмертит его имя, став к тому же сама по себе «произведением искусства». По его собственному признанию, часть своей коллекции, которую, таким образом, не имело смысла хранить, он «передал Венской национальной библиотеке — главным образом то, что сам получил в дар от друзей-современников, другую часть распродав». «А то что случилось с остальным, — признавался он, — не очень тревожит меня».⁴⁶

Известно, что среди подаренного в Венскую библиотеку автографов Достоевского не было.

Возможно, что самые ценные автографы были среди распроданной части коллекции.

Не исключено также, что упомянутое писателем «остальное» — именно то, что находилось до недавнего времени в Лондоне и что описано Р. Нойхойзером. Возможно также, что это была именно та часть, которая попала к «наследникам» (17, 457) Цвейга (своих детей у него не было).

В любом случае должны быть предприняты дальнейшие поиски следов распада архива Цвейга, а следовательно, и уточнения, куда могли уйти рукописи Достоевского и Л. Толстого. Требуется проверки и промелькнувшая где-то версия, что проданная часть ушла в Швейцарию. Нами в 1988 г. была предпринята через профессора Тюбингенского университета Л. Мюллера⁴⁷ попытка вовлечь в поиски ученых из Швейцарии и с этой целью написана для одной из швейцарских газет статья о судьбе рукописей «Братьев Карамазовых».⁴⁸ Удалось найти и следы сохранившегося архива Г. Робакидзе; они оказались в одном из архивохранилищ Швейцарии, где в Женеве доживал свои дни пи-

---

его (Цвейга. — Т. О.) коллекции» — 17, 458). У нас нет оснований подвергать сомнению свидетельства самого Цвейга о том, что у него были автографы трех глав романа. Как будет явствовать из последующего текста, архив распался и в Лондоне оказался лишь один из автографов. Вероятно, комментатор сделал свой вывод на основании описания автографа, произведенного дочерью жены Цвейга. Но ведь описывается каждый автограф *отдельно* или, во всяком случае, по главам А главы, попавшие к Цвейгу, были разными. Таким образом, он и говорит о *первой* из них.

⁴⁶ Цвейг С. Вчерашний мир: Главы из книги // Нева. 1972. № 3. С. 132—134.

⁴⁷ Любезно помогавшего нам в поисках сведений о пребывании Г. Робакидзе в Германии

⁴⁸ Такая же статья была опубликована нами в газете «Вечерний Тбилиси» за 21 декабря 1985 г.

сатель, высланный из Германии после падения режима Третьего рейха.

В его архиве тоже могут отыскаться какие-то следы событий, связанных с рукописями Достоевского. Тем более что он писал мемуары, частично опубликованные, но оставшиеся нам недоступными. Таким образом, поиски следов утраченных рукописей Достоевского должны быть продолжены — и прежде всего в архивах С. Цвейга и Г. Робакидзе.